

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЗАПИСКИ

Журнал русской литературы

КНИГА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Евгений СТЕПАНОВ. **От редакции** 3

ПОЭЗИЯ

Сергей АЛИХАНОВ. **Тень звука**. Стихотворения 4
Любовь БЕРЕЗКИНА. **Часовая птица**. Стихотворения 7
Эдуард ХВИЛОВСКИЙ. **Правила летосложения**. Стихотворения 10
Мила БОРН. **В узкой форточке дышит весна**. Стихотворения 14
Андрей ИВОНИН. **В общих чертах**. Стихотворения 21
Дмитрий ДАРИН. **Смотритель маяка**. Стихотворения 23
Андрей ТОРОПОВ. **Свобода обитает тут**. Стихотворения 26
Евгения СТЕПАНОВ. **Мои любимые страны**. Стихотворения 30

ЗАРУБЕЖНАЯ ПОЭЗИЯ

Джа Роуз ДЖАФТА (JahRose JAFTA). **Лицом к лицу со смертью**. Стихотворения
Перевод с английского Екатерины ЖУРАВЛЁВОЙ 32

СКАЗКИ

Надежда БАБАЕВА. **Волшебное покрывало**..... 35

ЭССЕИСТИКА

Алексей ЮРЬЕВ. **Размышления о смысле жизни** 44

РЕЦЕНЗИИ

Надежда Бабаева, «Сказки Надежды II» (Вера КИУЛИНА) 49
Сергей Попов, «Прямая наводка» (Павел ЩЕРБАКОВ) 51
Вера Сажина, «Вторая книга» (Павел ЩЕРБАКОВ) 53

Коротко об авторах 54

май, 2024

ЖУРНАЛ
СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ИЗДАТЕЛЬ
ХОЛДИНГОВАЯ КОМПАНИЯ
«ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»
(Генеральный директор Евгений СТЕПАНОВ)

Главный редактор
Евгений СТЕПАНОВ (Россия)

Редакционная коллегия
Людмила АГЕЕВА (Германия)
Борис ВАЙНБЛАТ (Германия)
Лилия ГАЗИЗОВА (Россия)
Андрей ГРИЦМАН (США)
Вера ЗУБАРЕВА (США)
Семён КАМИНСКИЙ (США)
Наталья КРОФТС (Австралия)
Евгений СТЕПАНОВ (Россия)

Компьютерная верстка
Ирина РАКИТИНА

Контакты
Бизнес-центр «Калейдоскоп»
Россия, 115230, Москва, Хлебозаводский проезд,
д. 7, стр. 9, офис № 12 (7 этаж)
Редакция журнала «Зарубежные записки»
Степанову Евгению Викторовичу
Тел. в Москве: (495) 978 62 75
Сайт журнала: <http://z-zapiski.ru>
Эл. адрес редакции: stepanovev@mail.ru

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И КОЛЛЕГИ!

В новом номере журнала «Зарубежные записки» опубликованы стихи, проза, сказки, эссе литераторов из разных городов и стран.

Мы будем продолжать печатать наших уважаемых авторов вне зависимости от того, где они живут.

Русская литература — едина.

Оставайтесь с нами!

Евгений СТЕПАНОВ

ТЕНЬ ЗВУКА

* * *

То время, как мхом, поросло быльем,
а грохот его был не слаб.
Нелепо мое представленье о нем —
из широкополых шляп.

Молчит репродуктор его вечевой —
набрал воды в рот.
Так утварь оказывается под землей,
как только эпоха пройдет.

Лишь грация танго — с винила! — смогла,
минуя и небыль, и быль,
ожить, зазвучать — соскребают игла
полувековую пыль.

* * *

Птиц попрошу, кочующих на юг,
Меня увлечь полетом величавым,
С небес они мой дом не различают,
А горы, реки, море — узнают.

Дом опустеет у земной черты.
И, к небу напоследок обращаясь,
Я только с тем на свете попрощаюсь,
Что птицы различают с высоты.

* * *

То ли пьян, то ли тверез
Побреду среди берез...
Не избушка, ни сарай —
Гостя позднего встречай!

А на ветках спят грачи,
Словно вывалились в саже.
Появился из ночи
И опять уйду туда же.

Костерок из бересты
Вспыхнет враз перед порогом.
Зашевелятся листья —
Что там? — между мной и Богом...

НА КАРТОШКЕ

На оживленном, на солнечном поле
Рита и Оля.
Надо просеять пальцам мадонн
Вспаханный склон.

Жизни вас учит, изъязв из семейств,
Первый семестр.
В полдень обтерли перед едой
Руки ботвой!

КУЛЬТУР-МУЛЬТУР

Приятель мой, небезызвестный
В микрорайоне человек,
На мир враждебный, неуместный
Глядит из-под припухших век.

Он доползет в ночи до клавиш,
Он оседлает свой рояль! —
Не остановишь, не исправишь,
И только всех соседей жаль.

* * *

Сюда упало время, как камень в воду, в пень —
Срез дерева расходится застывшими кругами.
Стреножены лучи...
Как кроны сшить краями? —
Полетом мотыльков, стрекоз — из света в тень...

* * *

В бледном сумраке предзоревого
Ночи жизни своей провожаю.
Я застигнут начавшимся днем,
Что мне делать на свете — не знаю...

Как дневные часы ни гони,
Праздник ночи гораздо короче.
Коротая бесцельные дни,
Я живу в мимолетные ночи.

* * *

Ради развития текста
Гибнет и время, и место.

* * *

В беспечной юности моей
Я не заканчивал лицей, —
Как беден мой язык!
Но огорчаться ни к чему,
Все позади, я к своему
Невежеству привык.

* * *

Летим над озерами и над тайгой —
Рядком вдруг увидел я двух лебедей.
А сколько полетов, и лет, и людей
Меня навсегда разделило с тобой...

* * *

И чувство — не порука, и смыслу вопреки, —
Тень звука: мука звука — рождение строки.
Все в творчестве так просто: слышилось едва —
Поденщик чудотворства, вычеркивай слова!

ЧАСОВАЯ ПТИЦА

I

Вишня в кольцах летящего света,
так во тьме расцветает планета,
и кружит лепестковая стая —
это птица поет часовая.

1

Колесиками своими вертит,
вот одно повернулось — дзынь —
птица вспорхнула, чтобы лететь против смерти,
опрокинутой в жизнь, —
это как мчаться вдоль одного ветра против другого,
и, когда они встречаются грудь на грудь,
птица находит меж ними слово,
чтобы в него вскользнуть,
крылья сложив и вытянув лапы,

изо всех сил сжимает стеклянный клюв
зернышко света настольной лампы,
упавшее в словесную колею,

2

но в слове еще темно и пусто,
оно свернуто из пространства,
как дыхательная трубка для грядки капустной,
для музыки слез прекрасной,
оно еще не узнало времени,
что целится метко,

часовая, с маленькой масленкой на темени,
птица-смайлик, птица-клетка,

3

птица-вспышка, огромный взрыв,
шестеренки крутятся, словари открыв,
усатые валики пробуждаются вслед за ними
(на каждом усике — Божье имя),
чиркают по металлическим лепесткам,
птица — ветер и пламя звука,
птица — fuga,
прикипевшая к небесам.

II

Люди с пустыми глазницами
преследуют сны во мне,
люди с оторванными птицами
бредут за мной в тишине,
я им кричу: отстаньте!
и голос мой, кстати,
похож на безмолвный огонь,
на ветер с его «ого-го».

1

Если не станешь временем, станет оно тобой.
Избушка-избушка, повернись к будущему задом,
а к прошлому передом.
Где-то война... мы привыкли жить невойной,
как река, обмелев, привыкает быть берегом.
Где-то весна... и мы смотрим ее сквозь стекло,
став зрачками смартфона.
Избушка-избушка, наши птицы угнали тепло
и не помнят угона,

2

не помнят, когда против времени сделали крен.
Этот скрежет... Колесики, шайбы, шурупы...
Боже, часовым нашим птицам рентген
сделай сквозь ветров хула-хупы.
Или так надо — птицам оторванным быть?..
Время — что кольца древесные, древо жизни,
пока не придет и свистнет на ухо: бзыть!
а ну-ка отсюда сдрисни.

III

Птичка с дверцей в груди,
ключиком в меня посвети —
есть ли там кто живой,
кто-то уже не твой?..

1

Время — телескопическое растение,
проще говоря, *Telescopium Arbor*,
полое изнутри... — «Хватит умничать!» —
твой рык раздался как раз оттуда,
ты голоден, как цыганский табор,
и я откликаюсь на имя «посуда»
и «пожалуйста, не пожалей перца»,
два наших сердцебиения...

но у времени нет сердца.

2

И вот, каждый день проживая
как первый и как последний,
нанизывая их, словно колесики лука,
на Божью дуду,
птица моя, ты испытанный мой собеседник
на дороге к гнезду
мимо того самого «кружочка лука»,
где из двух сердец на завтра-вчера-сейчас,
не жалея соли и перца, готовит разлука
чемодан-вокзал-мелкий дождь-контрабас.

3

На каком-то этапе «где» переходит в «когда»,
молоко остается, исчезает вода,
становится значимым всплеск любой,
и ветер на все объявляет любовь —
не такую, как раньше: огонь-дым-сера,
а ту, что вне власти секундомера,
лишенную всякой, даже словесной, плоти,
и два человека, незнакомых вроде,
связаны ею, ее притяжением,
нежностью, милостью, утешением, —
или что там еще содержит бессмертия аэрозоль?..

4

Моя дорогая,
птица-объятие,
сладкая птица-боль.

2024

ПРАВИЛА ЛЕТОСЛОЖЕНЬЯ

ДВА НУЛЯ

У меня нет миссии в виде карнавала,
как и нет трансмиссии и гребного вала.
У меня нет должности в искреннем начале,
как и бесконтрольности на большом привале.
У меня нет критики в виде словосбора,
как и нет филиппики и ее набора.
У меня нет бабочек на цветочках мысли
и случайных рамок, где углы провисли.
У меня нет допуска на осмотр вокзала,
как и чудо-пропуска к зоне капитала.
У меня нет знания нужного причала,
как и упования с самого начала.
У меня нет прямоты в абрисе овала
и огромной самости в смыслах ритуала.
У меня нет заднего зрения в природе,
как и словопрения при теленароде.
У меня нет стройности в виде продолжений,
как и нет убойности на полях сражений.
У меня нет живности в виде попугая,
как и экспансивности, — знать, судьба такая,
но есть прочных два нуля из Четвертой сути,
поджидающих меня на любой минуте.

СИМУЛЯКРЫ

В Верхней палате общин нет моего следа.
В Нижней его нет тоже. Тоже?! — Вот это да!
Нет его даже в Средней (*свет можно не включать
в кухне или в передней, где его не сыскать*).
Есть он по документам, но документов нет —
вышли по компонентам в неугасимый свет.
След там, где симулякры спрятали от себя
всех завихрений чакры, плотности их храня
в каждом из очень тонких, необъяснимых тел,
внутренне очень звонких при фейерверках дел,
ведомых старцам тихим не в боевом строю
или в неразберихе, в коей не состою.
Слава всему что славно силою прошлых лет
расположилось главно, след (*дважды прочерк*) в след.

Прямо — где только прямо, ровно — где только ровно. Перехлест бальзама смыслы несет в перо и на бумаг отдачу, только по головам, чтоб, ничего не знача, сопотреблять бальзам.

ГОЛОСА

*«То ли в окне, как в прорехе
осеннего дня...»
В. Г.*

Крах невозможности всякой и даже любой всех отсылает туда, где такой же прибой нежно копирует звуки прибороев других, в новом раскладе затактовом бережно тих.

То ли не можетсЯ там и не там в этот час, то ли последняя почта вообще не для нас, то ли на полке стоит тот же сборник тех лет, то ли опять посмеялся над всем «новый свет».

Четкость во множестве снова пропущенных слов документальных, локальных и прочих писцов, четко связавших с порогами все небеса и обозначивших метками все голоса.

Чисто на каждой платформе и в каждой судьбе, так же как там, где поселены вздохи в себе, сильном и слабом во всем, что в музеях давно и невозможном, как выщербленное кино.

Кто на другом полустанке, не прячась, стоит, тот тоже что-то неслышное там говорит или молчит, что расценено, как логарифм только не этих, а тех, что не с этими, рифм.

Дремлет дремучее, а о могучем молчу, чтобы не сделать того, чего и не хочу, и не размножить такой молчаливый базар, где все само по себе превращается в пар.

Стенка на стенку все так же безмолвно глядит, изображая тем сценку, где не говорит каждый никто без наличия всяких вестей, чуждых не чуждому там, где всего веселей.

Вот и цветы вдруг примчались сюда без цены, в чем, как и в прочем, они безусловно вольны, Не прибежали лишь только все их семена, ибо и прихоть семян безусловно вольна.

Противоправно уехал большой паровоз
старый, который так много в немалом увез
в дальние дали любезного далям конца
с новым лицом человечности, но без лица.

СУХИЕ МЫСЛИ

Скрипят сухие мысли мерно,
а мокрые давно плывут
туда, где все давно безмерно
в отсутствующих днях минут

вращается вокруг качелей,
не понимая и маня
туда, где не было свирелей
и бело-синего огня.

В мозгу стреляет что-то громом,
должно быть, то резвится век,
и рядом с мокрым ипподромом
бежит какой-то человек

в воображаемом тулупе,
который он забыл надеть,
когда толк в чугунной ступе
врачом прописанную твердь.

Дом то дрожит, то замирает,
то прекословит, то молчит,
то дымоходом заиграет,
то слуховодом заискрит.

Оконца смотрят вдоль дороги, —
она не ведает про них,
как и про медленные дроги,
на коих тащат этот стих

два ишака и три косули
на разных уровнях своих,
пока туда не завернули,
где нет ни наших, ни чужих.

Шажок знаком, как тень и вечность,
глазам, предместьям и ушам,
в которых чья-то человечность
поет «*Padam, padam, padam!*».

ПРАВИЛА ЛЕТОСЛОЖЕНИЯ

Свист сатанинский повсюду,
даже в тотальных приветях
от перекрестного чуда
до мозговых ответов,

от прототипов иллюзий
смерчеподобного толка
до светло-желтых конфузий,
в коих живет жизнемолка.

Светел посыл неумный
с фоном из неба и стыни
и дух его неподъемный
с шалью из мягкой твердыни.

Что-то сжимает запястья,
кто-то играет на скрипке
в поисках нужного счастья
и без малейшей ошибки.

Где-то древесные хаты,
где-то одни небоскребы
и расписные палаты,
дабы узреть их всем чтобы.

Так и живется прелетно
среди пространного «много»,
и говорит безответно
с камнем большая дорога.

Воздух исполнен свет-влаги,
и бесподобны дельфины
в сине-зеленой отваге,
с коей они все едины

также, как мы, не напрасно,
с правилами умноженья,
где познаем жизнестрастно
истины летодвиженья.

Здесь не конец, не начало
ямба и даже хорей, —
сказанность просто признала
правила летосложения.

В УЗКОЙ ФОРТОЧКЕ ДЫШИТ ВЕСНА

ФЕВРАЛЬ

Нескончаемый длится февраль. Не живет. Не плачется.
И не может. Утром вскочить бы и в ванной петь арии.
В узкой форточке дышит весна, нелюбимая падчерица
злой зимы — все на ней обветшало, устало, состарилось.
Я стою в пограничье того, что стряслось и не сбудется.
Мне не хочется думать, что это лишь миг мироздания.
А за дверью стучит уже, мается слякотью улица,
повторяя урок на сложение и вычитание,
допуская все то, что отпущено будет с погрешностью
на ошибки зимы, на потери кармана дырявого.
Я стою в пограничье, я знаю, весна не открестится,
не отмолит уже никогда то, что стало потравой,
то, что стало сосудом, без вкуса и надобы выпитым,
или кубком, разлитым в пылу отупляющей ярости.
Я стою в пограничье, я силюсь остаться и тут, и там.
Но не двинуть рукой и не выплакать этакой малости,
не растратить чернил, потому что чернила заветные,
как пустой календарь, не отнимут у времени смертное.
Я стою в пограничье, я знаю уже, что ответа нет
на проклятый вопрос, что в итоге окажется жертвою.

2024

* * *

Как просто убывает человек
из всех календарей, из дней, из звуков.
Но, боже мой, какая это мука,
когда к тебе, не поднимая век,
он возвращается, уже чужой, усталый,
заброшенный неведомо куда
(в какие дни, какие города)
и говорит тебе, как жаль, что мало
отпущено вам было на двоих
безумия, безудержности, ласки,
стоит перед тобой, но все напрасно —
ведь не обнять его. Печально тих

твой зыбкий сон, в котором так беспечно
играет кто-то и тобой, и им.

Но, боже мой, как трудно вам двоим
опять друг друга отпустить навечно.

2023

MEMORY POSTUM

Лето. Лондон. Еще не перевалило за полдень.
Коронёр изучает обстоятельства смерти О'Коннор.
Почему умерла? Неизвестно. В стекле оконном
отражается улица. Южный квартал. И долго

он листает бумаги, скролит в своем телефоне twitter.
Почему умерла? Почему? Как нащупать причину?
Полдень. Суетно. Люди толкают в спину.
Он рассержен и пуст. Он не любит вопросов открытых.

Что за штука такая была, эта странная Коннор?
С кем водила дела? И зачем сочиняла и пела?
Может, жить было нужно иначе? И, может, за дело
с ней такое случилось? О, господи! Как бестолково!

Он рисует в служебном блокноте редуты каракулей.
Что он, в сущности, знает об этой свихнувшейся Коннор?
В голове его пусто, туманно и манно, и сонно.
Хоть какой-нибудь знак, хоть намек. Но в итоге — ни знака.

Коронёр морщит лоб. Что он может по факту ответить?
В захлавленной квартире немытое, старое тело
лысой женщины — изуродовала себя до предела,
не смогла дотянуть — как досадно! — до окончания лета

и до первой прохлады. Коронёр обливается потом,
переносит в сухой протокол все, что видит, и чинно
пишет: стол, диван, фотография младшего сына
с мелкой надписью прямо на рамке «memory postum»,

на обоях — гитара, газетные вырезки «Grammy».
Что еще? Книги, диски, конверты, стеклянные четки.
Он покоя лишен. В голове его образ нечеткий.
Почему умерла эта чертова Коннор? Бездельник,

его зам, вот уже третий час залипает с планшетом,
день минувшего вторника распределив по минутам.
Кто поверить бы мог в то, что дива — и станет вдруг трупом,
коченеющим, синим, бессильным, бесстыдно раздетым.

Коронёр прикрывает глаза. Он устал. Он растерян.
Почему ему нужно копаться в белье этом звездном?
Все ж понятно про них. Непонятно лишь «memory postum»
мелким шрифтом на рамке. Кому эта ложь? Он не верит

в тех, в ком есть божий дар, поцелованность,
царство на троне
в мире дьявольских игр в чарты, рейтинги, фанов, релизы.
Что за смысл разбираться во всем этом? Нет больше смысла.
Что тебе не хватало? Что тебя доконало, О'Коннор?

Бьет Биг-Бен. Вечереет. Он опять на последний автобус
опоздает. И будет опять ночевать в кабинете,
но не спать, потому что уже никому не ответить,
что же значило это странное «memory postum».

2023

СТИХОТВОРЕНИЕ

Я пишу тебя, но я не слышу.
Лист полупустой дрожит и дышит.
И не отпускает. Ниже, ниже
убегают строчки. А по крыше
гулким стуком метронома свыше
капает и капает вода.
Мне тебя навеяло из дремы
незнакомых слов и слов знакомых,
из полночной улицы, из дома,
в свой уют укутавшего сонмы
грез моих и радостей бездонных,
что не возвратятся никогда.
А потом утихнет дождь усталый,
я пойму, что мне тебя так мало
было и совсем не согревало
зыбких строк худое одеяло,
а в конце всего-то и осталось —
вырывать у жадного огня.
И когда в тиши библиотечной
свидимся нежданно, безупречный
и чужой пройдешь, мой сын, мой вечно
непокорный, ветреный, беспечный,
мой любовник, мой случайный встречный,
мой навечно венчанный супруг,
не беги, уже не потревожу,
и в судьбе, в которую не вхожа
я отныне, мне всего дороже —
знать о том, что ты, конечно, сможешь
без меня мудрее стать и строже
и замкнуть незамкнутый мной круг.

2024

* * *

Ты был богат. Но знал ли ты об этом?
Украсть все это не сумело лето,
но растащила стылая зима.

Теперь стоим: я — над, ты — под землею.
И что-то связывает нас с тобою,
по-прежнему неузнанное. На,

распутай узел Гордия, попробуй
поспорить с богом! Переспорив бога,
освободи фригийского быка

и отпусти его с бесплодной пашни!
Но ты молчишь. Тебе уже не важно.
Разрублена пророчества строка.

И Азия, качнувшись, уплывает,
как призрачная Туле. Я не знаю,
что нам осталось в эти холода.

Но мы стоим: я — над, ты — под землею.
И то, что завязало нас с тобою,
мы не узнаем больше никогда.

2024

* * *

Прижмись ко мне. Давай махнем
туда, где меж трех сосен выйдем
в еще не выстроенный дом,
в котором наши дети — нити
неоспоримого родства
меж нами, коренные вещи —
кровать и книги, стол и два
скрипучих стула. Пусть воскреснет
все то, что обещало жить,
любить, творить и растворяться
в грядущем, где иссякнет нить
клубка, где нам еще семнадцать,
и нас с тобой еще ведут
дороги, лучшие на свете,
и по дорогам тем идут
несбывшиеся наши дети.

2023

ПАЛЬТО

Когда хмельные гости разойдутся,
оставив дом, в котором ты — никто,
сядь в самолет, чтобы на нем вернуться,
в красивом кашемировом пальто
пройдись среди гнилых пятиэтажек,
где во дворе простывшее белье,
как прежде, бьется парусом, где так же
сидит на лавках местное жулье,
и на площадке детской спит пропойца,
и дворник самодельною метлой
сгребает в кучи отпечатки солнца
и жжет костры из грусти неземной,
шагни в подъезд с бездомными котами,
исписанными стенами, ссаньем,
и, отдышавшись между этажами,
дойди до беззаветного, на нем
остановись напротив ветхой двери
и, нервно утопив дверной звонок,
прильни щекой, прислушайся, не веря,
что там, внутри, услышит кто-то. Ток
пронзит тебя, когда вот так, навстречу
с улыбкою шагнут из темноты
отец и мать, их маленькие дети
и среди них — один, конечно, ты.
И будет жизнь, которой не упиться,
спокойная, большая, и никто
уже не вспомнит, что в углу пылится
забытое заморское пальто.

2023

СОН

Засыпает. Засыпает.
Вьюжит и метет.
Засыпаю. Засыпаю.
И на хрупкий лед
сновидения ступаешь,
и зовешь меня,
и смеешься, и не знаешь,
что из бытия
зыбкой дремы не прорвешься,
не шагнешь ко мне.
Ты не знаешь. Ты смеешься.
И живешь во сне,
где, как прежде, правит лето,
и звенит трамвай,
на котором мы поедем
в заповедный край
солнца, вековых сосен
и большой реки,

где никто уже не спросит,
кто мы. Коротки
сны, которые под утро
все вернут назад.
Только нас с тобой как будто
тащит, тащит в ад
нерастроченных желаний,
по дороге вспять.
И смеешься ты, не зная,
что живешь опять.

2024

* * *

И когда вы вернетесь с улицы,
пропахшие апрелем и теплыми лужицами,
и когда внесете в мой дом оттаявшее
от того, что всю зиму, скулившее, маявшее,
так болело, хотя и жалело стенами,
в тоннах белого обледенелого,
я не выйду навстречу вам, я не выкрикну
ничего из того, к чему так привыкли вы,
а неслышно повисну над вами в воздухе,
ну а вы остановитесь и скажете: господи,
неужели такое бывает, когда одним
вдруг поверится и другим вдруг поверится
в то, что смерти нет, и подросшее деревце
за окном заскребется по стеклам невымытым,
вот тогда я шагну из моей немоты, и вам
станет радостно, станет тепло, успокоится
то, что мучило, то, что терзало бессоницей,
разговорами о невозможном, несбыточном,
и потянетесь вы друг за другом, по ниточке,
и прервете молчанье мое до скончания,
ваш нежданный приход, ваше словослияние
прорастет на странице, как озимь, оттает и
ляжет тихой строкой, и спасет от отчаяния.

2024

* * *

Уснешь однажды осенью, в тоску,
скулящую полуприкрытой дверью.
И вдруг по одному — а ты не верил! —
придут, кому заказано, к виску
прижмутся лбом и, разойдясь по дому,
нарушат твой порядок бытия,
все сдвинут с мест и в ворохе тряпья
отыщут что-то важное — знакомо

тебе, конечно — старенький альбом,
где вы еще все вместе, где смеется
фотограф ваш. Нечеткий кадр. И солнце
засвечивает лица, рукавом
как будто сбросив прошлое. И ты
еще стоишь, но в их толпе счастливой
зачем-то обернулся, молчаливо
пытаясь ускользнуть из пустоты,
того еще не ведая. И мир,
которому не суждено продлиться,
нарушив сон. И смазанные лица
плывут перед тобой — гурьба транжир,
растративших все смыслы. Где она,
страна, в которую они умчались,
и там теперь — без боли, без печали
и без тебя живут еще? С ума
сошел ли ты, не веривший тому,
что так оно и будет? Ночь, дождливо.
И непонятно, живы ли, не живы,
идушие в твой сон по одному.

2023

В ОБЩИХ ЧЕРТАХ

* * *

В метрополии, нет, о войне ничего не слышали.
Ни полслова, ни строчки о том в «Ежедневных делах».
Может кто-то и вскользь намекал, но и это едва ли.
Даже если и так, то, наверное, в общих чертах,
и его не услышал никто. А иначе откуда
беззаботная нега и тот летаргический сон
записных сибаритов, гетер, одуревших от блуда,
слепота и святая наивность почтенных матрон?
Ничего не меняется здесь ни на грамм, ни на йоту.
Жизнь течет, как и прежде текла в бесконечном чаду,
в вечном городе Рима, не помню котором по счету,
в славном городе Рима, не помню в котором году.
Те же в цирках, театрах привычная ложь и кривлянье
лицедеев, трибунов — проныр и пройдох всех мастей.
Так же скопища нищих на форуме ждут подаянья,
жаждут хлеба и зрелищ, а не плохих новостей.
Так же в храмах меняют дидрахмы торговцы монетой,
и спешит по делам, как всегда, озабоченный плебс,
пьют вино в кабаках, продаются в киосках газеты,
и из всех утюгов распевают Киркоров и Лепс.
Здесь достойных квиритов умы занимают всецело
мысли не о стране, а скорей повышение цены
на бензин, и, конечно же, им никакого нет дела
до идущей вдали, никому не понятной войны.

НАЧАЛО ЛЕТА

Начало лета. Тополиный пух
плывет над парком, улицей, домами,
взмывает в воздух, вьется под ногами,
щекочет ноздри. На часах без двух
минут одиннадцать. Полдневная жара
уже вступает в силу, как поправка
к закону о погоде. Мошкарка.
На перекрестке толчея и давка.

Ползет трамвай, качаясь, вдалеке.
Стрижи кружатся в небе разомлевшем
над городом горячим и вспотевшим.
И город устремляется к реке.

Четырнадцать ноль-ноль. На берегу
купальницы, рассыпанные щедро.
Вдоль берега бежит быстрее ветра
мальчишка, улыбаясь на бегу.
Открыты двери летнего кафе.
Вот загорающие пары на траве.
Вот, некоторым образом, святое
семейство: муж, жена и двое
детей. Она в купальнике, он в майке ЦСКА.
Играют в мяч. Разложен на газете
нехитрый стол — вино и хлеб. А дети
резвятся, строя замок из песка.

Под взглядами скучающих зевак,
на лодочке, залатанной и хлипкой,
забрасывает удочку рыбак,
поймать пытаюсь золотую рыбку
на хлебный мякиш. Стрекозы полет.
И девушка, похожая на скрипку,
ступает в воду. Шаг.. пол шага... шаг,
еще немного... Ледяная влага
за ней смыкается, и девушка плывет.
Сухой осоки охра и кармин.
Семнадцать тридцать семь... Еще один
июньский день сгорает, как бумага.

ДЕВУШКА СПРАШИВАЕТ

Девушка спрашивает: «А ты правда поэт?»
«Да» — «А прочти что-нибудь!» — «Ладно».
Читаю: рондо, канцона, сонет...
Слушает. «Надо же, — говорит, — Складно!»

«Складно?» — Улыбаюсь. День выходной
тянется, и у поэта
на душе весна, а за стеной —
осень? Зима? Лето?

СМОТРИТЕЛЬ МАЯКА

МАЯК

Там, в далеких морях,
Где белая пена с острой скалы
Слюной Нептуна течет со скулы,
Есть облезлый маяк.

Там смотритель живет,
Вдали от боли любимых имен,
В любую ночь зажигая огонь,
Корабли бережет.

Он все знает про груз,
Про шкипера, шхуну и такелаж,
Огня путеводного старый страж,
Осветив верный курс.

Но маяк тот дано
Увидеть не всем в неистовый шторм,
Чтоб рыбам здесь не достаться на корм
И не пойти на дно

Ни мирному рыбаю
И ни пиратам — морским храбрецам,
А только влюбленным навеки сердцам,
Что не боятся бурь.

Кто срубил якоря,
Кто ищет заветный единственный порт,
Тем, кто галсом смелым к цели идет,
Светит маяк не зря.

Беды в трюме храня,
И я в море дальнем счастья искал,
На мели садясь и тонув у скал,
Не увидев огня.

Смотритель маяка —
Я зажигаю прозрачным глазам,
Что верят лишь ветру и парусам,
Счастье издалека.

* * *

Что за месяц в эту ночь,
Все не наглядеться,
Сможешь, братец, мне помочь
Не любить вполсердца?

Чья-то ливенка звучит
По уснувшим весям,
Наливай свои лучи,
Лбом щербатым свесясь.

Лей же, лей янтарный мед
На пустую руку,
Кто же знает наперед
Про свою разлуку?

В небо просится душа,
И прошу я малость —
Чтобы ночь из нас ушла,
Чтоб любовь осталась.

Чтобы жег небесный жар,
Чтобы сердце слепо —
Отгоревшего не жаль
Под любовным пеплом.

Знаю, что в огне любом
Видеть в людях надо б,
Чтоб о них не биться лбом,
Чтоб не падать с надолб.

Только тот меня поймет —
На расчет незрячий,
Этот жар и этот мед
Милой я растрочу.

Что за месяц в эту ночь —
Золотая ложка
И расстеленная прочь
Желтая дорожка.

ЖАР-ПТИЦА

Я не могу остановиться,
Гляжу в толпу из женских лиц,
Чтоб угадать в одной Жар-птицу
Среди бесчисленных синиц.

Черты красивы не у каждой,
Стройна походка не у всех,
Но верю, мне дано однажды
В одной запутаюсь косе.

Рыдает небо вдрызг дождями,
Иль сыпет белою крупой,
Я, как приколотый гвоздями,
Под сердца тонкой скорлупой.

Я так просил ее присниться,
Коль не увидеть наяву
Мою желанную Жар-птицу,
С которой снова оживу.

Ведь нет мерцанья в душах полых,
Не льет в пустыне соловей,
Но как-то раз зеленый всполох
Из-под очерченных бровей

В толпе — безрадостной блуднице —
В меня пришелся, как удар,
И осветился мир Жар-Птицей,
Слетевшей вдруг на тротуар.

Ее муаровые крылья
Меня заполнили везде,
Ожив, пустило кровь под пылью
Седое сердце на гвозде.

Но счастлив я внезапной болью,
Но зряч особой слепотой —
Когда любовь тебя проколет,
То кровь становится густой.

И я скажу тебе, прохожий,
Коль птиц померять на людей,
Бери, что в мире всех дороже,
Чьи крылья стоят всех гвоздей.

Любовь у страсти — приживалка,
Считай, что в жизни повезло,
Когда от женщины — не жарко,
Когда от женщины — светло!

СВОБОДА ОБИТАЕТ ТУТ

* * *

Пока стихи 12 бьют
И золушка — еще принцесса,
Свобода вызывает труд,
А нам достаточно регресса.

Уйди, зеленый кадиллак,
Я не планирую удачу,
Куплю зеленый доширак,
Поеду ужинать на дачу.

Шагают верные рабы
К удаву в пасть с душистым перцем.
Шагала нежные гробы
Летают над подземным царством.

Пари, незрелый кадиллак,
Я оставляю на удачу.
Залью соленый доширак...
И не планирую, и плачу.

Пока стихи 12 бьют,
Пока чуть теплится невежда,
Свобода обитает тут.

* * *

Кто меня любит — на поезде поедет.
Кто не любит — пойдет пешком.
Гая Гисборна — Роберта Эдди
Вспомню легким дурным стишком.

Но кто этот стишок помянет.
Если совсем его не поймет?
Больше никто не живет в дораме,
Не найдет пистолет-пулемет.

Для кого тогда слагается чудо,
Перед кем распинается моя душа?
Никого не трясет сказка Робина Гуда,
И мечта — игрушечный ППШ.

* * *

Никто не хотел выходить,
А нам так хотелось присесть,
Никто не ответил как быть,
Что делать и что еще есть.

Под нами земля не горит,
Над нами земля еще есть.
Да, мы — вымирающий вид,
Подземные мы, ваша честь.

Нам скоро самим выходить,
Уступим количество мест.
На наш исчезающий вид
Не ставьте, пожалуйста, крест.

* * *

Дай, Боже, мне одно четверостишие,
Такое, чтоб запомнила страна,
Чтоб смог я накормить духовной пищею
Страдающих и страждущих сполна.

Дай, Боже, мне одно благодеяние,
Чтоб смог я накормить свою семью,
Купить ей меховые одеяния,
А летом повести ее на юг.

Дай, Боже, мне такое всемогущество,
Чтоб захотел, и не было войны.
Не надо никакого преимущества,
Имущество и слава не нужны.

* * *

Книга восьмистиший
продолжает жить
Что пока не вышла —
нечего тужить.

Собираюсь в город,
в персональный мир,
с яблоком раздора
на бессмертный пир.

* * *

У доброй тетушки Стилбрейкер
Закончился волшебный сок.
Живите, как на кофе-брейке,
Припрятав голову в песок.

А что там будет после смерти,
Не знают красные кресты.
С собою мир нескромно сверьте:
Уходит мир, уходишь ты.

Но здесь частичка остается,
Потом захочешь подглядеть...
Пусть хорошо тебе живется,
Чтоб было весело смотреть.

* * *

Перл перловки посадила на крючок,
Чтоб попался хоть какой-то дурачок.
И болтается на лодке маркитант,
Продающий за похлебку свой талант.

Можно радоваться женщиной в песках,
Наслаждаться за мгновения весны.
Но, на самом деле, это страх,
Лень под чувством долга и вины.

Но, в итоге, нечего терять,
Можно сразу отказаться от рывков.
И за кубком можно весело нырять
Бесконечное количество бросков.

* * *

Хамфри Богарт ищет розовый бутон,
Карабанов пропадает от любви,
Анна Павлова танцует под шансон,
Я на даче прожигаю селяви.

Дисков надо вещмешок пересмотреть
И щебенки десять тонн перетаскать,
Сколько надо же до старости успеть,
После смерти лишь придется отдыхать.

Ты — такой неугомонный раздолбай,
Из мечтающих о мести монте-крист.
Кипишит на месте глупо через край
Не сбежавший от пастушки трубочист.

* * *

Сначала мы думали, они — боги:
Футболисты, поэты, красотки с Майами,
Что они — совершенны, а мы — убоги,
А потом мы сами стали богами.

Вышли мы на кривые дороги.
В безнаказанность веря, мы охренели.
Но мы только думали, что мы — боги.
Оказалось — полные пустомели.

Вы хотели спать на Майами с богами
Из структур немислимых, очень властных.
Перепутали их с кривыми стихами.
Ничего не получится, но прекрасно.

МОИ ЛЮБИМЫЕ СТРАНЫ

ЧЕЛОВЕК

Ненависть, вражда, сражение — эка
Невидаля. Сложнее — жить любя...
Человек стреляет в человека —
Попадает в самого себя.

Человек стреляет в перепелку —
Попадает в самого себя.
На помойку надо бы двустволку.
Для чего же нам стрелять в себя?

Жизнь цветными красками богата.
Человечество — одна семья.
Человек, стреляющий в собрата, —
Попадает в самого себя.

2022

МОИ ЛЮБИМЫЕ СТРАНЫ

Прекрасна, тепла Индонезия, в которой я был много раз.
А все же прекрасней Поэзия, страна, где летает Пегас.

Любима родная Московия, любовь эту в сердце несу.
А все же мне ближе Сосновия, Еловия, домик в лесу.

Волшебна, как сказка, Голландия, каналы ее и мосты.
А все же мне ближе Снежландия, где помыслы даже чисты.

Ни с чем не сравнима Австралия, Швейцария шарма полна.
А все же мне ближе Астралия,
родная — с рожденья — страна.

2018

И ТАМ, И ТУТ

Забыв про все приличия,
Царит словесный блуд...
А мания величия,
Бездарность и двуличие
В обнимочку идут.
Они идут, идут, идут
И там, и тут.

2024

ЧУВСТВО

Живу, в любви не разуверюсь.
И жизнь поэтому легка.
Вот женщина. Она разделась.
Она пришла ко мне, легла.

И это для меня — как чудо.
А чувство вряд ли напоказ,
В котором неба смесь и блуда.
А неба — больше. В тышу раз.

2023

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ ВДАЛИ ОТ РОДНОГО ДОМА

А так ли этот мир хорош,
Где бьются лбами два барана
И круглосуточная ложь
Гремит из недр телеэкрана?

Я постарел и занемог,
Не выполнив своей программы...
А дождь, настроив водосток,
Тревожные играет гаммы.

2024

Джа Роуз ДЖАФТА
(JahRose Jafta)

ЗАРУБЕЖНАЯ ПОЭЗИЯ

ЛИЦОМ К ЛИЦУ СО СМЕРТЬЮ

Сможем ли мы, оказавшись в ее объятиях, принять конец?

26. ЗАПАХ СМЕРТИ

Ночью муха навеяла странное воспоминание. Закоулки памяти привели в комнату дедушки, где тьма жужжащих сидела на занавеске и медленно умирала. Это было много месяцев назад, до того, как он сам погас. Короткие разговоры между приемом лекарств: ему ампутировали палец правой ноги. Он больше не мог ходить без костыля. Тот, кто для себя делал все и вся, теперь зависел от других. Это парализовало его сердце. Она знала, что смерть пахнет, потому что она чувствовала ее. В его комнате она увидела свет, покрытый тьмой. Понятно, почему в Мексике запрещено наблюдать за затмением.

26.1 ОТПУСТИ ЕГО

Маманя умоляла нас отпустить его. Мы думали, как это бесчувственно с ее стороны. Но мой дедушка, вероятно, лучше слышал язык волн, уносящих его по реке Иордан, чем нашу молитву прожить ему дольше. Она жаждала увидеть, почувствовать, ощутить запах смерти отца своего ребенка до того, как он скончается. Но именно сын стал тем, кто почувствовал последние часы своего отца. Телефонный звонок обнаружил безмолвный ужас, который заставил ее оцепенеть. Она до сих пор не может написать об этом. Вся глубина ее молчания...

27. НОВОСТНЫЕ ЗАГОЛОВКИ

Умерла она — моя мать в поэзии;
В новостях об этом ни слова,

Быть может, стань она поэтом протестов,
Кто декламирует против апартеида стихи,
Все заголовки всю бы об этом трещали.

Маиша Дженкинс была протестным поэтом,
Чей глубокий, чувственный голос
Растворил и вывел всю кровь
В ее стихах о кровных узах,

Невзирая на это, она везде,
В каждой новостной сводке моего сердца.

Ее кончина разбудила тайные чувства,
Из разрытых могил смерть заявила о своих правах,
Я почти не плакала, но вчера заснула в паводке слез.

28. САМОЕ ГРУСТНОЕ ВРЕМЯ ГОДА

Где-то в моем городе плачет сова,
Те разрытые могилы закопайте аккуратно

Сегодня
Выключен микрофон Боба Мабена

Вчера
Умолкло пианино Сифо Мниакени

Песни бездны других приглушаются,
Больше нет никаких танцев

Горем наполнен путь жизни нашей,
В самом деле — самое грустное время года.

29. ОНА

Она смеялась, чтобы не заплакать,
В ней миллион вопросов
Виднелось сквозь глаза
Кто поставит все точки над «и»?
Когда они исчезнут, ничего не изменив,
Без извинения
Без ответов
Без завершения.

30. СТРАДАНИЯМ ПРИДЕТ КОНЕЦ

Иисус, Мухаммед, Будда и Кришна
В своем единстве легче перышка их сердца,
И так обретается праведность,

Дьявол умрет в яростном исступлении,
И разрушится тюрьма страданий его.

В эту тяжелую пору нас увидят,
Закончится ад чертогов мыслей.

Перевод с английского Екатерины ЖУРАВЛЁВОЙ

ВОЛШЕБНОЕ ПОКРЫВАЛО

ПЕСНЯ ЛЕСА

СКАЗКИ

В одной стране жила девочка, а звали ее Вика. Она жила в богатой семье и очень любила спать, поэтому ей некогда было, отправляясь в путь, собираться, и, глядя на часы, она то и дело приговаривала: «Ай да молодец Вика! Ай да молодец! Опять надо идти далеко, а значит, незачем надевать на себя много одежды, и так тяжело далеко идти!»

У нее была очень добрая няня, и всякий раз, приходя к девочке по утрам в комнату, она открывала окна и говорила: «А сейчас Вика сама решит, стоит ли одеваться».

Иногда Вике очень нравилась эта идея, она высовывалась из-под одеяла и, ощущая морозный запах, принималась надевать на себя одежду. Но сегодня встать с постели было особенно тяжело. Это был день ее рождения.

«Но даже сегодня, — подумала Вика, — мне все равно надо встать и одеваться».

— Да, одежду еще никто не отменял, — услышала она в этот миг.

— Кто это?! — спросила Вика.

— Это я.

— Кто это ты?

— Я Лес!

— Лес? А каким это образом ты разговариваешь, да еще в моей комнате?!

— Я знаю каждую твою мысль и каждое твое слово.

— Каждую?

— Да.

— Я не очень-то люблю, чтобы знали каждую мою мысль!

— Я так устроен. Я Лес, и моя миссия — хранить информацию. Ведь окна твоей комнаты смотрят на лес?

— Да.

— Тогда все, о чем ты думаешь, все, что ты говоришь, — все отражается в листе моего леса.

— А это не тяжело, хранить так много моих мыслей? Интересно, они тяжелые?

Лес рассмеялся, и Вика услышала разные звуки-шуршания, словно песнь нескольких человек. Скорее всего, так звучала листва леса...

— Твои мысли, как перышки, если ты думаешь с радостью, и они действительно тяжелы, когда огорчением наполнено твое сердце.

— Да?

— Да.

— И что же происходит, когда их много?

- Мои листья слабеют, высыхают и опадают.
- Так бывает осенью! — вскрикнула Вика. — Я знаю!
- Да, это время падения моей листвы человек назвал осенью, но осень может наступить то рано, а то и позднее обычного.
- А почему?
- Все зависит от тяжести мыслей, от того, сколько их в данный момент.
- Вот это да!!! А ведь листья бывают и красные.
- Да. И зеленые, и красные, желтые и коричневые — разные бывают. Но этот окрас зависит от мыслей всех людей, окна и глаза которых глядят на мою листву.
- Вот это да! Значит, у тебя много-много разных платьев, которые могут сниматься сами и менять цвет?
- Можно сказать и так... — ответил Лес.
- И Вика почувствовала в его голосе ноту печали.
- Но это же здорово, что они сами снимаются! Я не люблю одеваться и раздеваться.
- А я люблю надевать наряды: наряды разного цвета. Но снимать — не очень. Это же делаю не я... — тихо проговорил Лес.
- Какая интересная мысль! — сказала Вика. — А мне приходится всегда одеваться, а снимать наряд мне помогает няня.
- И что ты любишь больше? — спросил Лес.
- Я? Я — спать.
- Это время я тоже люблю, но обычно мне не совсем спится.
- Что значит не совсем?
- Я просыпаюсь от дождя, я просыпаюсь от тоски,
Я просыпаюсь от тепла, я просыпаюсь от пурги,
Я просыпаюсь от того, что кто-то громко говорит.
Я словно зеркало для тех, кто мыслит или говорит.
- Как интересно! И почему я тебя раньше не слышала!
- Ты просто спала.
- А разве сейчас я не сплю?
- Нет! Если ты меня слышишь, значит, ты проснулась, и в этот раз твои мысли — добрые, светлые. Значит, и я буду с зелеными и крепкими листьями.
- Ой, я попробую угадать: значит, сейчас лето?
- Да, конечно же, лето! И летом можно и не сбрасывать листву, а просто, шурша листвой, петь новые песни.
- Я хочу их послушать!
- Тогда приходи, и ты услышишь песню, написанную тобой. Ведь моя листва будет отражать твои мысли и свет. Каждый листик будет пропевать тебе каждую из твоих мыслей.
- Это очень интересно! Я бегу к тебе!
- Вика быстро соскочила с кровати, надела синенькое платьице, туфельки и побежала в лес.
- Сколько чудесных красок и новых звуков услышала Вика! Она меняла свои мысли и тут же ощущала и слышала изменение мелодии Леса.
- Как я могла этого раньше не слышать! Это чудесно! Волшебное и очень красиво!
- Спасибо тебе, рассказчик Лес! Ты научил меня слышать мои мысли, и я уже знаю, что в твоей песне звучит, пусть совсем маленькая, но и моя мелодия.
- Вика быстро побежала домой, а завтра решила прийти пораньше и снова послушать его и свою песню.

А знаешь ли ты, что
Пословицы и поговорки
Мудрость прибавляют
И речь обогащают:

«На лес не поднимай руку, будет он служить сыну и внуку».
«Хорошо в лесу, береги его красу».
«Как аукнется — так и откликнется».

Отгадай загадку — укрепи смекалку:

«В шубе летом, а зимой раздетый». (Лес)

«Он накормит, обогреет, летний зной собой развееет,
Он умеет говорить. Закричишь — он повторит!». (Лес)

ВОЛШЕБНОЕ ПОКРЫВАЛО

Если бы когда-нибудь все люди на земле были счастливы, как дети, они бы никогда не думали о тех «благах», которые мешают им развивать себя и свое творчество. От их успеха хлопали бы в ладоши все ветры, а облака устилали бы дорогу в вечность, и своим движением им помогали бы звезды.

А есть ведь страна, в которой все дышит одним лишь счастьем! Это страна волшебная. Это просто радостная страна, где все волшебники мира ткнут полотно из своих кружев. И их сплетения помогают всем видеть сказки и сны по ночам. Это есть во всем мире. И волшебники есть всегда. Их много, и они поведали мне одну из своих историй.

Когда-то в одной стране жил не очень богатый, но и не нищий человек — портной. Он шил всем одежды и был очень искусен в своем мастерстве. От его рук всегда веяло радостью, и сон не брал его, если он принимался за работу.

И вот однажды пришел к нему некий господин и попросил сшить покрывало из роз, да так, чтобы он мог всегда любоваться ими и ощущать их запах.

«Так... — подумал наш портной, — а чем же я буду их сшивать, да и как можно сохранить аромат каждой розы, ведь все они пахнут очень нежно и в тоже время по-особому? Среди них есть те, что пахнут, как жасмин, другие — как просто роза, а аромат третьих не похож ни на что».

«А что если я попрошу сами розы выложить свой узор так, как им бы захотелось?!» — подумал наш портной и достал свой волшебный карандаш, чтобы наметать размеры покрывала.

И в этот момент раздался тихий шепот цветов, что находились от него неподалеку:

— Я буду очень с тобою близка, но все же не лишай меня начала.

Я выложу все нити, а пока ты на земле наметь то покрывало.

Я буду когти свои выпускать — это шипы — они колючи,

Они нам помогают сохранять тот запах, что дается свыше.

— Господи! — подумал портной. — Это же сами розы мне это проговорили!

И он с радостью нарисовал на земле покрывало.

И в этот момент он увидел, как на нарисованном покрывале стали появляться розы, и один за другим — разворачиваться их бутоны. Его душа затрепетала.

«Как я могу оставить их без питья, без воды? Ведь в саду, где они росли, был целый цветник, им было хорошо, и все родное их окружало», — подумал портной.

И не выдержав, он сказал:

— Я так тебя люблю, мой сад, что не хочу с тобою расставаться.

Не нужен мне такой заказ, который призывает разлучаться.

Портной решил не отдавать покрывало, сказав, что не может выполнить заказ, но вновь услышал голос одной розы:

— Если ты поступишь так, что скажут люди? Ведь ты велик в своем мастерстве! И как ты будешь здесь жить? Тот господин не успокоится, пока он не увидит покрывало.

Мастер подошел к говорящему цветку и увидел ровную тропинку, идущую от одной розы к другой. Она была выложена из шипов. Он поблагодарил цветы, так как понял, что, если бы не шипы, то не было бы видно красоты каждой розы.

Покрывало было готово, но цветы были еще очень нежны для яркого утреннего солнца. Обойдя сад, портной увидел плачущую иву, которая считала себя абсолютно никому не нужной. Она не знала, для чего ей дальше жить.

Портной подошел и спросил:

— Не хочешь ли ты помочь мне и покрывалу из роз? Если ты раскинешь свои ветви, я смогу подтянуть покрывало под их тень, и яркое солнце не сожжет лепестков юных созданий.

Ива не делала этого раньше, но в этот раз она встряхнула ветвями и осыпала покрывало своими листьями. Теперь жаркое солнце перестало быть таким обжигающим, и портной мог сколько угодно любоваться цветами, вдыхая их аромат. А корни цветов он украсил лепестками, выдумав новый запах — тот, что всех их скреплял и давал свое место каждому.

«А что же наш господин?» — спросите Вы.

Он пришел за своим покрывалом, но, увидев такое цветение, не смог взять его с собой.

Стал гостей он тогда приглашать и показывать чудотворение.

Взрослым нравилось здесь отдыхать, ребятишкам, конечно, играть.

Птицам, бабочкам, пчелам — летать, а волшебникам — все наблюдать.

А видел ли ты такие волшебные покрывала? И где?

Правильно! В каждом парке, в каждом сквере ты можешь наблюдать такие волшебные покрывала, и даже волшебные подушки из сплетенных между собою цветов. Люди продолжают дело портного, высаживая в парках красивые, цветочные ковры.

А знаешь ли ты, что

Пословицы и поговорки

Мудрость прибавляют

И речь обогащают:

«Верному другу цены нет».

«Все за одного, а один за всех, тогда и в деле будет успех».

Отгадай загадку — укрепи смекалку:

«Он в радости с тобой всегда,

А если вдруг придет беда,

Он будет рядом, тут как тут,

Ведь это лучший, верный (Друг)!»

МУЛЯ

Очень большая проблема современного времени — это несоответствие. Взрослые дарят детям взрослые подарки, они перестали играть со своими чадами, поручая это няням и аниматорам. В общении родители часто становятся не наставниками, а Снегурочкой и Дедом Морозом, а вместо вразумления используют свое искусство манипуляции. В развитии детей разумность и сердечность уступают место выгоде и использованию, а взрослые утрачивают свою гибкость ума и семена мудрости.

Когда-то в одной стране жил мальчик, он был очень храбрый. Он был такой сильный и смелый, что помогал всем, кто попадал в беду. Он помогал своим друзьям, помогал маме и папе. Его любили все дети и все игрушечные персонажи, ведь это была Волшебная страна. И в ней жили не только мама, папа, мальчики и девочки, но также и живые игрушки. В этой стране и жил мальчик, которого звали Муля. И эта история о том, как Муля стал настоящим героем.

Маленький Муля все время хотел быть героем. Каждый день он представлял себя в этой роли. Он мечтал спасти принцессу, которая была заточена в высокой башне. Он хотел отодвинуть сломанную, тяжелую машину, которая стояла на дороге и загромождала проезд. Он желал убрать дерево, которое упало. Но ничего у него по-настоящему не получалось. Он будто опаздывал совершить свой подвиг...

Вот, например, как в истории с деревом. Муля узнал, что дерево упало, и решил его убрать. Но в тот момент ему нужно было поспать! Он поспал, поел, а когда он пришел в нужное место, то дерево уже никому не мешало, оно уже не перегораживало дорогу.

Однажды Муля услышал о том, что девочка не может выбраться из топкого болота, и он подумал: «Я ее точно спасу!» Но через тридцать минут пришло сообщение о том, что девочке удалось спастись, но без башмачка.

«Ага! Девочке удалось выйти из этого болота, но башмачок так и остался лежать в этой жиже. Ну, это не так страшно!» — подумал Муля и снова решил вздремнуть. Он поспал, поиграл, погулял. Потом снова вспомнил про девочку и решил, что ему пора ее выручить — принести ей этот башмачок.

Но когда он пришел, то узнал, что герой Вихрь, который жил в его городе, уже давно достал ей башмачок, и счастливая девочка в двух своих башмачках ушла домой.

«Ну вот, так всегда... — проговорил Муля, — я вечно опаздываю, никто мне не хлопает, никто не говорит мне, что я сильный, смелый, красивый, что я хороший... А я так мечтаю кому-то помочь! Мне хочется спасти мир, но у меня ничего не получается!»

Так проходил год за годом, и Муле было очень печально и грустно. Однажды он сел на опушке леса и заплакал, потому что друзей у него практически не было. Все очень любили героя, которого звали Вихрь и который реально всем помогал.

Горькие слезы стекали по щекам Мули, и тут он увидел, что по лесной тропе идут дети, и с ними — сам герой Вихрь.

Муля спрятался за дерево и решил: «Ну и ладно, не буду я ни с кем дружить, потому что у меня все равно не получается быть героем».

Но настоящий герой был очень чутким, он почувствовал и увидел, что за деревцем кто-то сидит, и плечико его подергивается.

Герой попрощался со всеми друзьями и тихонечко подошел к Муле.

— Здравствуй! — сказал он.

— Ой! — вздрогнул Муля. — Ты кто, настоящий герой?

— Да, это я. Что у тебя случилось?

— Да ничего, — сказал Муля и отвернулся. Но слезы выдавали его, они не переставали капать.

— Но все-таки, Расскажи, я очень хочу тебе помочь!

— Да как ты мне поможешь?! — разозлился Муля. — Все только тебя и любят, и хвалят, и хлопают тебе в ладоши! Все только вообще о тебе и говорят! А я тоже хочу быть героем!

— Героем? — спросил герой, — Так это же не проблема!

Я, например, буду очень рад дружить с тобой. Я очень хочу, чтобы был второй герой в городе, и готов тебе помочь. А что ты делаешь, чтобы стать героем?

Муля поднял глаза на героя и говорит:

— Почему я что-то должен делать? Я же просто хочу быть героем! Хочу, чтобы меня любили и хлопали мне в ладоши.

— Ну, так ничего не получится... — сказал Муле настоящий герой. — Герой, он потому герой, что очень внимательный, очень дисциплинированный. Он очень сильный. Знаешь, что я делаю, для того чтобы быть героем?

— Что? — спросил Муля.

— Я ложусь вовремя спать. Закрывая глаза, я засыпаю тихим сном, для того чтобы ночь дала мне много-много сил, и яркие звезды напоили меня своим светом радости, чтобы я проснулся утром и был добрый-добрый, потому что только добрые люди могут услышать тех, кому сегодня нужна помощь.

— Да-а-а... — сказал Муля, — да, конечно.

— А потом... Потом я встаю со своей кровати, усаживаюсь за стол и начинаю кушать. Утром очень нужно подкрепиться основательно и хорошо, чтобы были силы кому-то помогать и кого-то спасать.

— Вот это да! — сказал Муля. — Вот об этом я как-то и не думал!

— Ну, конечно, — проговорил Герой, — это обязательное условие! Потом, понимаешь, никогда заранее неизвестно, когда кому-то понадобится помощь. Эта весть приходит неожиданно, и поэтому нужно научиться быстро одеваться. Ты умеешь быстро одеваться?

— Ну, я не знаю, — сказал Муля.

— Так надо же тренироваться! Давай поучимся быстро снимать и надевать носки.

И они стали снимать и надевать носки. Это занятие оказалось очень веселым!

— А теперь давай научимся снимать и надевать шапку. Шапку надеть! Шапку снять! Шапку надеть! Шапку снять! О-о-о! У тебя уже получается! А что, если так же сделать с курткой? Или с варежками?

Нужно тренировать себя одеваться очень быстро, потому что иногда кто-то кричит: «Помогите!» А ты же не можешь выбежать раздетый, когда на улице дождь или снег, и поэтому тебе очень нужно самому научиться быстро одеваться и быстро выходить на улицу, потому что на улице у тебя есть больше возможностей приобрести еще одну силу.

— Какую силу? — спросил Муля.

— Силу. Когда ты дышишь свежим воздухом, к тебе приходит новая сила. Эта сила — кислород! И ты сможешь быстро бегать и становиться еще сильнее!

Вот, пожалуйста, необходимые правила, которые сделали из меня героя. А какие есть еще, я расскажу тебе в следующий раз, договорились?

— Договорились! — сказал Муля.

Он заметил, что ему стало значительно веселее, и ему уже не хотелось плакать. Он даже как будто бы стал выше. Муля встал, и герой Вихрь протянул ему руку: «До свидания!»

Муля пожал его большую, сильную руку и подумал: «Ну вот, я теперь тоже буду учиться становиться героем и быть им. Я буду засыпать теперь тихо-тихо. Я буду просыпаться и вовремя вставать с кровати, крепко и хорошо кушать, быстро одеваться и выходить на улицу с радостью.

Так я соберу свои силы! А что будет дальше, я не знаю, наверное — новая сказка, и будут новые знания, о которых расскажет мне герой Вихрь.

Муля улыбнулся, ему очень понравилась эта встреча, и он пошел тренироваться.

Вот такая история произошла между Мулей и героем Вихрем.

И я думаю, что ты тоже, как и Муля, можешь стать большим супергероем. Попробуй, как он, поучиться, потренироваться, сделав эти упражнения. У тебя точно получится! А сейчас доброй тебе ночи или доброго дня!

А знаешь ли ты, что
Пословицы и поговорки
Мудрость прибавляют
И речь обогащают:

«Возможное сделает каждый,
Невозможное — только отважный».
«Сражайся смело за правое дело».
«На героя и слава бежит».
«Кто смел да стоек, тот десятка стоит».

Отгадай загадку — укрепи смекалку:

«Кто проснулся спозаранку,
Кашу съел, сделал зарядку,
Кто умеет одеваться
И готов тренироваться,
Чтобы сильным стать и смелым,
Ловким, быстрым и умелым?
Кто за слабых заступился
И за друга встал горой?
Ну, конечно же, (Герой)!»

СКАЗКА ПРО КОЛОСОК

Эта история началась очень давно, еще в давние-давние времена. И произошла она с мальчиком, который очень любил смотреть, как колосятся поля пшеницы. А звали его Егорка.

Каждый день Егорка прибегал на поле, и ему казалось, что он чувствует каждый колосок, словно самого себя.

Когда мальчик подрос, он стал помогать отцу работать в поле. Егорка терпеливо ждал, когда колосья вызревали, и следил за тем, чтобы колоски были убраны вовремя.

Колоски собирали, связывали в снопы, сушили их, обмолачивали зерна, веяли, везли молоты на мельницу, и только тогда получалась мука.

Все бы хорошо, но в этой стране всегда были дожди. Их было много, даже очень много. А когда дождь долго лил и лил, пшеница всегда пропадала.

Конечно, мальчик очень огорчался, ведь загнивали колоски, а значит, пропадала мука и хлеб. Егорка собирал всех своих друзей, они бегали и кричали народные заклички:

«Радуга-дуга,
Перебей дождя,
Подай солнышка».

«Дождик-дождик,
Полно лить,
Малых детушек мочить».

Но это не всегда помогало. Дождь все шел и шел.

И вот однажды, размышляя над этим — а сидел он, как всегда, в поле — мальчик вдруг услышал, что с ним заговорил колосок.

— Я вижу каждый день, как ты переживаешь за нас! — сказал Колосок.

— Как!.. Это ты со мной говоришь, или мне кажется?!

— Да, я говорю.

— А разве могут колоски говорить?

— Ну, конечно, мы тоже живые. Ты же сам наблюдаешь за нами целый день и видишь, как из маленького зернышка вырастает колосок, а из колоска появляются зернышки. Ты давно заботишься о нас, и я тебе очень благодарен, потому что я сам делаю все, чтобы зерно вызревало. Скажи, почему же ты так печалишься?

— А как же мне не печалиться, если зерно пропадает. И виной этому бесконечный дождь: он льет и льет, и целое поле колосьев страдает.

— Не печалься. Собери дождевую воду. А потом возьми и собери зерно. Перемели его, добавь воды, замеси тесто, испеки хлеба и разрежь их. А дальше: положи их на столе под деревом. И через три дня посмотри, что получишь.

Егорка все так и сделал. Он собрал зерна, перемолол их, добавил дождевой воды, замесил тесто, испек в печи хлеба, порезал их на мелкие кусочки и разложил на столе под деревом.

И каково же было его удивление, когда через три дня мягкий хлеб превратился в очень твердый!

Сначала мальчик решил, что Колосок что-то напутал, или он сам неправильно его понял. И подумал, что все пропало: теперь нет ни хлеба, ни зерен.

Он взял кусочек этого хлеба и откусил... Каким же он оказался вкусным и хрустящим!

Егорка сказал: «Ой, сухой... Кто же ты? Сухарик! Ну, какой ты вкусный!»

Так, неожиданно для себя, мальчик назвал этот хлеб — сухарик. Каждый день он смотрел на сухарики и радовался, потому что теперь действительно сухарики могут храниться долго. Даже когда идет дождь, сухарики становятся только мягче, но они не пропадают, ведь они могут подсыхать снова, и теперь хранятся долго — целый год!

Теперь, когда Егорка хотел покушать или полакомиться, он брал маленький кусочек, и одного сухарика ему хватало, чтобы он утолил свой голод.

А в тот день, когда у него все получилось, мальчик побежал в поле, чтобы найти того, кто ему это подсказал.

— Колосок, Колосок! Колосок, ты мой дружок, я хочу тебе сказать очень важные слова. Спасибо тебе за все! У меня получился такой замечательный хлеб — сухарик!

— Я очень рад, что у тебя теперь есть сухарики. Теперь ты можешь помочь людям, рассказать им, что из их хлеба могут получаться очень вкусные сухарики. Их можно долго хранить и угощать своих друзей таким лакомством.

Егорка рассказал людям, что он делает сухарики, и в один из дней собралось много народа, чтобы посмотреть, как он с этим управляет. Мальчик показал всем, как делать сухарики, и теперь все знали, как можно больше сохранить зерна.

А после одна девочка решила в свои сухарики добавить ваниль. Получилось очень вкусно!

Но ее брат не очень любил ваниль, и когда он заболел, девочке очень хотелось его порадовать. Она подошла к нему и спросила:

— А что будет, если мы в тесто подмешаем мак?

— Я не знаю, — ответил он.

Девочка добавила щепотку мака, и сухарик получился еще вкуснее!

Так и стали дети добавлять в сухарики то щепотку сахара, то корицы, то мака. И сухарики становились с каждым разом все необычнее. Они были разные и очень-очень вкусные!

Вот такая история. С тех пор так и повелось, с тех пор и существуют сухарики.

А знаешь ли ты, что
Пословицы и поговорки
Мудрость прибавляют
И речь обогащают:

«Хлеб на столе, так и стол — перестол,
А хлеба ни куска, так и перестол — доска».
«Не шуба греет, а хлеб».

Отгадай загадку-укрепи смекалку:

«Один льет, другая пьет,
Третий зеленеет да растет». (Дождь, земля, хлеб)

«Вырос в поле колоском,
На столе лежу куском». (Хлеб)

«Вы припомните скорей,
Кто источник сухарей». (Хлеб)

«Был я маленьким зерном,
Рос я в поле колоском,
А теперь я гость желанный
В каждом доме за столом». (Хлеб)

«Размочи меня в воде,
Хочешь, можно в молоке,
Зубки выросли? — Хрусти,
И на радость всем расти!». (Сухарик)

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ

ЭССЕИСТИКА

ЯВЛЕНИЕ ДУХА

Человеческая духовность является единственным явлением духа, с которым мы реально имеем дело в истории человечества и нашей планеты. Сведения о явлении духа тех или иных божеств тоже были составлены людьми и не являются бесспорно достоверными, их первоисточники и оригиналы нам не известны или недоступны, а возможные обладатели иного духа молчат и не появляются перед нами и поныне.

Искусство есть одно из проявлений человеческого духа. Оно печально, поскольку является посланием из прошлого, а прошлое — синоним утраченного. Искусство, как и само прошлое, может вызвать восхищение и восторг своей красотой и величием, но все оно, по сути, является воспоминаниями и свидетельствами о случившемся прежде, а не живой реальностью. Вот почему мы говорим: Что есть искусство? Лишь послание печали? — Нет, и само оно — печаль.

Любой труд и действия человека оставляют следы не только в виде конкретных результатов и усталости, но и отпечатков в его памяти и в душе. Можно стереть испарину со лба и продолжить жизнь и дело, но так не получается с отметинами в человеческом сознании — это безукоризненно описал Оскар Уайльд в романе «Портрет Дориана Грея». Он лишь не указал, что свои отметины и знаки оставляют не только злодейства, но и благие поступки и дела, и тогда, пусть Время-Абсолют и уродует наше тело, но дух и разум совершенствуются. Способностью оставлять свой след в человеческой душе обладает и искусство, которое влияет на самые тонкие и скрытые струны и заставляет их откликнуться, порой самым неожиданным образом. Искусство может изменить не только наше отношение к жизни, но и нашу судьбу. Искусство позволяет нам посмотреть на жизнь со стороны, не погрязая в бытовых мелочах. Только это свойство делает его столь ценным для рода человеческого и приносит, временами, пользу и эстетическое наслаждение.

В стихотворении Данте Габриэля Россетти «Сестра Елена» постоянно звучит рефрен: Что случилось меж Ада и Неба? — Вся жизнь человеческая и всего Мира и даже творческое воображение не может вырваться за эти пределы, обозначенные гениальным художником и поэтом. Впрочем, никому и никогда не удастся исчерпать содержимое сего внутреннего пространства: искусство не только принадлежит бесконечности, но и несет в себе ее черты — это банальнейшее суждение будет справедливым всегда.

Воображение и случайность — мастера прыжков от одной темы к другой, перемен настроения, повелители времени и обстоятельств. Поток сознания в наших головах и тысячелетний опыт искусства являются хорошими иллюстрациями для этого суждения.

По большому счету у искусства есть лишь одна тема: Жизнь человеческая. Все остальное: Любовь, Красота, фантазии на темы прошлого, настоящего и будущего и прочее — всего лишь грани этой единственной темы.

Любое произведение искусства является монологом его автора. А кто будет слушать монолог, не прерывая его своими замечаниями и возражениями? — Только друг, а друзей много не бывает, творец зачастую одинок и во время творчества, и после. Если Бог существует и похож на человека, то и этот творец одинок среди толп, к нему взывающих и на него молящихся.

В конце своего существования Девятнадцатый век торопился найти и предъявить Миру все больше талантов в искусствах, науках и инженерии, словно бы предчувствуя угрозы и кровавые события века Двадцатого, едва не уничтожившие все живое на планете.

Искусство 21 века стремится к чему-то скрытому во мраке будущего времени и убегает от уже известного и состоявшегося...

Все оценки искусства, во все времена, изначально субъективны или навязаны господствовавшими в обществах тех времен мнениями, устоявшимися традициями или навязчивой рекламой. Поэтому они не могут быть истиной в последней инстанции для вечного искусства. Искусство похоже на могучий лес, а все наши суждения о нем — всего лишь шелест ветра в его листве.

Земные легендарные воплощения Афродиты: Елена, Фрина, Таис и другие — их красоту не только воспевают до сих пор, но ради таких женщин вели войны и прекращали их по велению этого божества. Явление красоты случается и в наши дни, и последствия могут оказаться не менее громкими и неожиданными, чем свидетельства прошлого. Афродита и поныне остается реальным божеством, способным отстранить прочие идеалы и реальности, чтобы принять верховную власть над человеческими душами и поступками и одарить людей красотой и любовью. Она остается вечно прекрасной, но стала неуловимой невидимкой, словно Эхо. А мы ищем ее следы в повседневном, надеемся на встречу с ней — находим стихи и другие произведения искусства, рожденные предчувствием прекрасного божества.

Между безмолвием и молчанием, между входом и выходом, где мы заняты обычным для нас делом, жизнью, там нет места ни неограниченному оптимизму, ни беспросветному пессимизму: имеем то, что имеем — ни больше ни меньше. Словно путники, идем своей дорогой и заняты текущими заботами, а искусство — как цветы, растущие на обочине: случайны, неизбежны, иногда нам нравятся, но если их сорвать, долго не проживут в наших лапах. Но именно красота, даже мимолетная, становится для нас вызовом и обещанием — на фоне всевластной повседневности и вопреки ей.

Оценивая достижения искусства прежних времен, невольно хочется повторить слова Уильяма Батлера Йейтса (1865 – 1939), классике ирландской и английской поэзии — они относились к таинственной музыке, прозвучавшей для персонажа в одном из стихотворений поэта, но невольно хочется спросить: а разве это не сущность любого настоящего искусства?

Но он услышал в воздухе,
Флейтист играл все время там,
И не было игры печальней,
И нет — чтоб веселила так.

ВЕТЕР ВРЕМЕНИ

Жизнь похожа на прекрасную женщину, случайно заглянувшую к нам: она сказала несколько ласковых и многообещающих слов, ослепила своим сиянием, овевая драгоценным ароматом и что-то обронила. Пока мы ищем это нечто, она исчезает, оставив нас в непонимании цели и смысла ее прихода и ухода.

Жизнь — это наш шанс на встречу с прекрасным, но не все знают об этом. Кто догадался, тот торопится сочинить свои версии и навязать их менее сообразительным слушателям и зрителям, в то время как повседневность уходит все дальше от прежних впечатлений и фантазий.

Хорошо, если мы успеваем догадаться, что каждый день нашей жизни — это праздник. Ведь это день после несостоявшейся накануне смерти, день вне бытия, день новых событий, когда можем продолжать познание Мироздания, нашей Великой Банальности, и поиски Прекрасной Невидимки. Когда же, как не сегодня, при жизни, поговорить обо всем этом — о королях и капусте, как сказали бы Л. Кэррол и О. Генри. И пусть предстоящая вечность думает, что обойдется без нас.

Отпуск из Вечности — таково время нашей жизни. Рок — это наш настоящий Бог, и каждый день — его ангел-посланец. Случайность — обыденное имя Рока, Судьбы.

Жизнь дает нам возможность коллекционировать впечатления, полученные нами от нее. Искусство — это самый старый и надежный способ их фиксации и сохранения. Мир — не только внешняя реальность, но и личные переживания человека. Сумма впечатлений и переживаний, подобно сумме научных знаний, обретает новое качество и способствует продолжению искусства. В жизни любого художника встреча с вершинами красоты Мира и искусства, испытанный им восторг, провоцирует новое творчество. И каждый художник, если он любознателен, понимает, что главными всегда будут общение с великим Миром и роман с жизнью. Правда, роман человека с жизнью может быть несчастлив, как любой роман. Но жизнь приходит к художнику не для любовных утех — пробудив его среди безбрежности времени и пространства, дает ему возможность узнать жизнь и искусство, чтобы успеть сказать о них свое слово.

* * *

Сколько людей исчезают с каждым годом, десятилетием, веком! — только в моей родне исчезли Гавриил, Степан, Фёдор, Яков, да и сами эти имена, имена моих прадедов, стали малоупотребительными. И еще: Анна, Павел, Дарья, Василий, Ольга, Алексей — мои деды, бабушки, родители, а были и другие родные, близкие, друзья... Так происходит с каждым родом, в каждой семье. Черная прорва никак не может наполниться и требует новых жертв. А как всем им было бы интересно оказаться среди нового времени, узнать о великих переменах в жизни их потомков, страны и народа! Но только мы, их наследники и их посланцы, можем сравнить былое и ныне данное Временем.

Когда актер играет роль короля, то в действительности за ним нет никакой власти — он лишь то, что теперь часто называют симулякром, то есть подменой, и мы ценим в нем не короля, а изображающего его актера, и согласны на время дать ему право тешиться своей иллюзорной властью. И не является ли все искусство таким симулякром: подменой реальности, временным утешением или развлечением, отвлекающим нас от текущей жизни и ее событий? Да, мы с детства привыкли к играм и игрушкам, и с возрастом меняемся не столько мы, сколько они. Но без них и без искусства мы не могли бы

стать людьми и все человеческое нам было бы чуждо, как выходцам с другой планеты.

Люди редко бывают вполне довольны тем, как сложилась их жизнь, но попытки ее изменения и полной смены не гарантируют приобщения к счастью — поэтому так часто люди срывают свой гнев и раздражение на окружающих и дополняют их жалобами и мольбами, обращенными к неведомой сущности, которую называют Богом или Роком. Но потери, неудачи и несчастья неизбежны, поэтому счастливыми могут быть только маленькие дети, еще не получившие в подарок своего троянского коня — опыта и памяти.

Жизнь и хороша, и порой ужасна, поскольку предоставляет возможность выбора (или заставляет его сделать) между многими своими вариантами — например, между суетой повседневности и творчеством в сферах науки, инженерии или искусства, или искушениями страстей человеческих и прочими соблазнами. Но, как в русской сказке, на распутьи можно выбрать только одну дорогу. Еще хуже, когда жизнь не оставляет выбора.

Для пассивных созерцателей и читателей, для потребителей творчества искусство может стать безопасной иллюзией взамен рискованной реальности, в то время как для создателей оно действующий вариант жизни. Любовь — это тоже вариант жизни: как любая страсть она может полностью овладеть человеком, ничего не оставив для всеневности. Увы! Время не зависит от человека и не возвращается, какие бы варианты он ни избрал — остается сожаление о путях, оставшихся неизведанными. Но, даже если повезло ускользнуть в другой вариант жизни, следует помнить, что предыдущий поставил на вас несмыслаемую печать.

Человеческая жизнь во все времена проходила не на необитаемом острове, а внутри семей, родов, племен и различных сообществ. В современности мы постоянно находимся в разнообразных коллективах: школах и других учебных заведениях, организациях по работе и по интересам. Кроме того, мы внутри более широкого круга — это государства и общества, охватывающие всех людей на обширных территориях. Таким образом, жизнь препятствует нашей ограниченности, ориентации только на свое Я. Этому Я приходится, охотно или без радости, включать в себя интересы близких и далеких людей, соотносываться с моралью, законами, нормами и правилами семьи, общества, государства. Эгоцентризм трещит по швам.

Жизнь — это немного реализованных и масса упущенных шансов и невозможных вариантов. Невозможно пройти по бесчисленным дорогам судьбы.

Жизнь и любовь, по сути, трагичны, поскольку мы их неизбежно теряем. И нам приходится жить в ожидании этой трагедии или, потеряв вторую, жить с памятью о ней. Но все-таки мы очень дорожим жизнью: она единственное время для нашего существования, пусть и приходится за пребывание в нем платить крупными и мелкими неприятностями. Такая вот диалектика!

Время идет и, если повезет, то по возрасту догонишь своего отца, деда и прадеда — а так долго был всего лишь ребенком!

Время — это великий импровизатор, работающий над постановкой Человеческой Комедии в качестве продюсера, сценариста, режиссера и декоратора. Оно успешно действует и как гример, и как изготовитель масок и костюмов для людей, участвующих в маскараде на балу Рока и Фортуны.

Ветер Времени подолгает вздымать волны Жизни, срывает пену с ее гребней и бросает нам в лицо — и мы убеждаемся, что у нее тот же соленый вкус, что у нашей крови, пота и слез.

* * *

Множество, беспредельное множество замечательных мыслей и суждений накоплено человечеством. Но ни одна мысль, ни одно суждение не зазвучит для человека, не окажет на него влияние, если он не вошел в состояние резонанса с ним.

Перевернем старую истину и скажем: Оптимист — это плохо информированный пессимист.

Когда-то прочел у Станислава Лема о планете, на которой был избыток душ при недостатке тел, и обитали люди, способные вмещать в одно тело несколько душ. Позже я убедился, что и мы, земляне, на это способны, ведь каждый творческий человек вмещает в себя две души, или ипостаси: повседневную и творческую.

Любая фантастическая литература упраздняет какие-то известные истины и постулаты и вводит новые, для обоснования своих измышлений. В этом отношении она похожа на священные книги новых религий с догмами, отменяющими тексты предыдущих верований.

Один человеческий порок, как ни странно, может помешать проявлению другого или хотя бы ограничить его, или даже иметь благие последствия. Вспомнился эпизод из «Колымских рассказов» Варлама Шаламова: в разгар свирепой зимы начальник лагеря на пару недель ушел в запой и на это время прекратил все работы заключенных вне бараков. Его пьянство спасло не одну жизнь.

* * *

Куда уходят детство и молодость? — Они уходят внутрь человека, вот почему возраст души составляет примерно половину возраста тела.

Каждый день из мрака Времени выдвигаются прежде незримые конструкции будущего, чтобы исчезнуть, став тенью прошлого.

И упираясь лбом в непостижимость Завтра, хотим, чтоб там все было лучше, чем вчера.

Кто-то из классиков марксизма сказал, что человечество, смеясь, расстаётся со своим прошлым. Да, оно часто смеется над прошлым, но не перестает им интересоваться и спорить о нем, то есть продолжает жить с ним. Повторим общеизвестное: без прошлого нет ни настоящего, ни будущего.

**Надежда Бабаева, «Сказки Надежды II».
М.: «Вест-Консалтинг», 2023**

Современная литературная сказка перенимает «эстафетную палочку» у сказки фольклорной, древней. При этом сказка авторская может позволить себе порассуждать и на актуальные темы: и объяснить, что такое «реликтовое дерево», и рассказать, как делают ванильные сухарики. Именно отход от ориентации на чисто народные традиции делает авторскую сказку столь интересной. Неизменно одно: этот жанр, как и его предшественник, необходим детям. Реализуя воспитательную функцию в доступной форме, литературная сказка свободна в совмещении традиционных фольклорных элементов (образ печки) и современных (стулья, запах ванили), и получается это настолько же хорошо, насколько автор талантливо переосмысливает отечественное и мировое народное творчество.

Книга сказок Надежды Бабаевой полна волшебства. Чудеса и волшебство раскрывают характеры персонажей и помогают создать крепкий сюжет. Какая же сказка без чудес?.. И, разумеется, без морали?

Например, сказка «Гвоздь». Автор выбрала главным героем истории не канцелярскую кнопку или, скажем, скрепку, а то маленькое, что «намертво» соединяет доски Стола и Стула. И речь идет не о комфорте, а о выживании, о единстве, о сохранении частей целого. Испокон веков гвоздь символизирует скрепление, единение. В отличие от хвастливой крупной мебели, этот малютка лишен тщеславия, хотя прекрасно осознает свою важность: «Да, да, большой Стол, чуть меньше Стул и огромнейшие Стены! Да если я сейчас просто соберу всех своих братьев, и мы отправимся просто в коробочку, то Стол развалится, Стул рассыплется, а вы, Стены, просто не сможете стоять! У у у... Но я не хочу быть важным, я не хочу быть самым главным, я хочу быть... быть надежным, и поэтому остаюсь».

А сколько теплой мудрости в «Сказке про Колосок»! Она учит беречь даже кусочки сухого хлебушка, ибо, как гласит народная мудрость «Хлеб — всему голова». Все усилия по возделыванию зерна, по выпечке и сохранению хлеба находят отражение в этой маленькой сказке: «Так, неожиданно для себя, мальчик назвал этот хлеб — сухарик. Каждый день он смотрел на сухарики и радовался, потому что теперь действительно сухарики могут храниться долго. Даже когда идет дождь, сухарики становятся только мягче, но они не пропадают, ведь они могут подсыхать снова, и теперь хранятся долго — целый год!». Вся эта картина — возвращение колосев и выпечка хлеба — по сути своей отражает сбережение важнейшего жизненного достояния русского народа. Хлебный колос — один из символов России. Так что, читая о сострадании одного персонажа — мальчика Егорки — к одушевленному, подчеркиваю — живым! — колосьям, ребенок учится не только рачительному ведению хозяйства, но и гораздо большему — сопереживанию близким и любви к Отечеству.

Сказка — самый популярный вид литературы для детей. Надежда Бабаева вплетает в свои истории загадки и короткие детские стихи, чтобы ребенок, отгадав загадку по окончании повествования, лучше усвоил прочитанное. Автор — кандидат психологических наук, она прекрасно знает, что в процессе слушания и обсуждения сказки у маленького читателя развиваются необходимые для комфортного существования в социуме фантазия и творческое мышление. Заложенный в сказке свод моральных норм и правил легко передается ребенку. И если некоторые из представленных в книге историй близки к народным, то есть и совершенно чудесные вещи, где героями становятся как типично русская Ива, так и прекрасные, не совсем свойственные русской природе розы (сразу вспоминается Экзюпери с его розовым садом): «Ива не делала этого раньше, но в этот раз она встряхнула ветвями и осыпала покрывало своими листьями. Теперь жаркое солнце перестало быть таким обжигающим, и портной мог сколько угодно любоваться цветами, вдыхая их аромат. А корни цветов он украсил лепестками, выдумав новый запах — тот, что всех их скреплял и давал свое место каждому». Однако основная идея остается прежней: счастье — это мир и согласие, умение вложить в отношения душу. Вместе мы — сила. А социальная изоляция — путь в никуда.

Индивидуальное разнообразие авторских сказок касается и философских категорий. Например, в сказке «Свет и тень» понятия «свет» и «тьма» ассоциируются не только глобально — с понятиями о добре и зле, но и узконаправленно: свет — это движение, жизнь, служение, опять-таки — единство с миром и людьми. Тьма, в свою очередь, — остановка движения и зацикленность на себе: «— Нет уж, — подумало Солнце, — может быть, это и легче — никуда не двигаться, но я как-то не хочу оставлять всех и все без света. Лучше я буду все время перемещаться и освещать все, чем стоять на месте и не светить никому!». Метафоричное сопоставление света и тьмы у Надежды Бабаевой выливается в торжество начала творческого, активного, направленного на нужды и потребности окружающих. А еще это история о самоопределении. Солнце должно светить. Если оно отказывается от своего предназначения, то кем становится?.. Так, через сказку довольно легко объяснить ребенку понятия «добра» и «зла», при условии, что они четко определены.

Или история о том, что свое, а что чужое. Из-за кусочка сыра между персонажами разрастается очень содержательная беседа, которая, кстати, не переходит в конфликт. Зато вопросы возникают весьма непростые. Например, такой: «Что считать в материальном мире своим?» И — еще более серьезный, вытекающий из первого: «Как ты понимаешь, что данный предмет — твой?». Ответы даются тут же. Как верно говорит Белка: «Если ты его не искал, значит, ты его и не терял». Это правило, если подумать, применимо не только к пище и прочим материальным предметам...

Книга Надежды Бабаевой отличается высокой нравственной позицией автора. Она ведь могла бы сочинять «чернуху» про ведьм и мертвецов, но все ее сказки полны доброты и света. Еще бы, ведь традиционные элементы сказочной культуры «работают» и в наше время. А в сочетании с богатой авторской фантазией и с ее высокими морально-нравственными ориентирами получают полноценные терапевтические произведения. Эти истории с удивительными событиями, направленные на детей, будут весьма полезны и взрослым.

Вера КИУЛИНА

**Сергей Попов, «Прямая наводка»
М.: Библиотека журнала «Дети Ра», 2024**

Новая книга известного поэта Сергея Попова «Прямая наводка» состоит из следующих шести разделов: «Лукавая буква», «Никотиновая любовь», «Оголтелая луна», «Ход конем», «Люди, звери, острова», «Страшно сказать». Каждый раздел состоит из семи-деяти стихотворений.

Наиболее интересным мне показался финальный раздел книги — «Страшно сказать». В одном из лучших стихотворений этого раздела Сергей Попов размышляет о вопросах творчества, о человеческой судьбе.

Автор констатирует противоборство человека и языка:

Страшно сказать и забавно смотреть,
как пререкаются слово и плоть.
Небокопченья последняя треть
всякую чушь подвигает молоть.

Поэт вынужден заговаривать пустоту даже тогда, когда, казалось бы, все уже сказано и нет необходимости писать, чтобы сообщить нечто внятное на рационально-обыденном уровне. Пусть это будет едва разборчивое бормотание, но убийственная тишина не оставляет поэту выбора:

сказано все — отдыхай да толстей,
но тишина пробирает насквозь.

И чтоб не выдалось раны сквозной,
крови несметной, дурацкой беды,
необходимо и в холод, и в зной
новый объем выдавать лабуды.

Сергей Попов как бы встает на точку зрения обывателя и называет чушью и лабудой то, что для определенного рода поэтов, в том числе и для самого автора книги, дороже «времен и падежей», то самое заговаривание, бормотание:

...по зазимкам пустую печаль
испепеляют ля-ля тополя

Эти ля-ля тополя — «банальности» «Песен без слов» Анненского, о которых писал Георгий Иванов:

Все банальности «песен без слов»,
То, что Анненский жадно любил,
То, чего не терпел Гумилёв

Финал стихотворения подытоживает размышления Сергея Попова о собственной судьбе, вывод довольно суров:

Жидкая россыпь подержанных роз,
зимней отчизною брошенных в гроб.

Этот вывод отсылает нас к куда более оптимистичным строкам Игоря Северянина:

Как хороши, как свежи будут розы
Моей страной мне брошенные в гроб!

В книге Сергея Попова много бойких и афористичных строк, в них поэт с утвердительной интонацией являет свои взгляды на человеческую жизнь и мироустройство. Подобные сентенции встречаются на протяжении всей поэтической книги и характеризуют философичный характер представленной лирики, а за счет своего ритмико-интонационного построения они легко остаются в памяти:

Но правоту нести как знамя
легко у неба на виду –
ее материя сквозная
не подответственна суду.

...наука прошлого сторониться
одолима хуже иных на свете.

...на соблазнительной планете
от сумы рукою до тюрьмы.

Но лирика Сергея Попова не исчерпывается подобной глубокой философичностью, она также наполнена истинной поэтической красотой, в которую, по моим ощущениям, автор вкладывает всю свою душу:

По пятам запальчивого смеха
со слезами-вспышками внахлест
бродит неуступчивое эхо
среди опавших к заморозкам звезд.

Павел ЩЕРБАКОВ

**Вера Сажина, «Вторая книга»
М.: Издательство Евгения Степанова, 2021**

Вера Сажина — поэт, художник и певица. Награждена отметиной имени Давида Бурлюка Международной Академии Зауми. Выступает с поэтическими перформансами. Поет свои песни в группе «Небесные Землемеры».

«Вторая книга» поэтессы состоит из стихотворений, написанных с 1998 по 2011 год. На первый взгляд, они представляют собой некий поток сознания, который организован главным образом по фонетическим принципам, во всяком случае, звукопись, которая местами настолько выпукла, что кажется вполне осознанной, выступает организующим началом многих стихотворных текстов поэтессы:

Мне снилось
все оккультические науки
произошли от
АКУЛЫ
акулические

Звуковая игра с созвучиями «к», «у» и «л» в приведенном отрывке очевидна, ею объясняется выбор тех или иных слов и фраз во многих произведениях автора. В дальнейшем эти слова могут обрести ассоциативными связями, казаться проявлениями сомнамбулических состояний лирической героини, но важно подчеркнуть, что первопричиной является именно звук. Еще один пример:

Повесила
мою (лапушку)
куклу
без пояса цагаанского
с рукой белой
с сердцем черным
с волосами
седыми.
Оставила ее
в другом лесу

Здесь можно отметить следующие аллитерации и ассонансы: «с», «е», «у».

Тексты Веры Сажиной являются явлением искусства скорее синтетического, то есть такого, в котором напечатанный текст не вполне самостоятелен без предназначенных ему дополнительных элементов, то есть предполагается синтез. В данном случае в роли такого элемента выступает весьма оригинальное авторское исполнение, перформанс. Это не умаляет интереса к подобному творчеству, но для более полноценного проникновения в суть лирики Веры Сажиной читателю необходимо учитывать то факт, что многие формальные элементы поэтики данной лирики вытекают из движения сложных авторских голосовых модуляций.

Произведения Веры Сажиной похожи на заклинания, при этом в них ощущается дух свободы, одни элементы взяты от культуры хиппи, вторые от шаманизма, третьи от русского фольклора. Эта смесь создает уникальный мир автора.

Павел ЩЕРБАКОВ

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Сергей Алиханов — поэт. Родился в 1947 году в Тбилиси. Окончил Грузинский институт физкультуры. Стихи Сергея Алиханова печатались в журналах «Новый мир», «Знамя», «Москва», «Наш современник», «Юность», в альманахах «Поэзия», «День поэзии», в газете «Литературные известия». Автор поэтических сборников «Голубиный шум», «Долгая осень», «Лен лежит», «Блаженство бега», «Где свет мелькал на сквозняке», «Мимолетный сентябрь». Член Союза писателей России.

Надежда Бабаева — кандидат психологических наук, краниальный терапевт, реабилитолог, автор методов лечения и саморегуляции, эксперт в области памяти боли. Надежда Бабаева возглавляет Фонд исследований природы и человека «Мир Ра», цель которого — сделать жизнь человека более гармоничной и духовной. Надежда Бабаева ведет просветительскую и образовательную деятельность, помогая людям найти ответы на самые важные вопросы о себе, своей душе и своем месте в жизни. Ее авторские программы «Навигатор благополучия» для взрослых и «Школа волшебников» для детей помогают глубже понять свои сильные и слабые стороны, управлять эмоциями и выстраивать путь к достижению своих целей с наименьшими потерями. Творчество — основной элемент жизни Надежды Бабаевой. Она автор научной и популярной литературы, песен, сказок, стихов.

Любовь Берёзкина — поэт, музыкант. Родилась в Ленинграде. Живет в городе Мендиг (ФРГ). Член Союза писателей XXI века. Любовь Берёзкина публиковалась в журналах, газетах и сборниках, в том числе: литературный журнал «Викинг — литературный Новгород», «Невский альманах», альманах «Откровение» (Ивановский отдел СПР), сборники под редакцией В. Ф. Чернова «Здравствуй, муза» и «Свет зари», а также сборники издательства «Нордост» (СПб) «И звезда с звездой говорит» и «Русь, взмахни крылами», «Антология русскоязычных поэтов — 2000» (Мюнхен), антология «Прощание с Вавилоном. Поэты русского зарубежья» (2014), альманах «Третий этаж» (Берлин, 2018), «Берега. Берлин», «Крещатик», «Русский глобус», «Твоя глава», «Семь искусств», «Ренессанс» (Киев), «Парус», «Зинзивер», «Поэтоград», «Сетевая словесность». Авторские книги «Раскрыть стихотворение и взять...» (изд. «Стеклограф», М., 2020), «Сорок+» («Издательство Евгения Степанова», М., 2023). Лауреат международного фестиваля «О России с любовью», Прага, 2021, фестиваля «Звезда Рождества 2016» (Запорожье), фестиваля «Лит-Кузница 2021» в номинации «Иностранная поэзия», межрегионального конкурса «Яблочный Спас» им. Е. П. Гусева, 2021, финалистка международного конкурса им. И. Н. Григорьева, 2014, дипломант фестиваля «Звезда Рождества 2014», конкурса «Есть только музыка одна» памяти Дм. Симонова, 2021, шорт-листер «Хижицы 2020».

Мила Борн — сценарист, писатель, поэт. Родилась в 1972 году в Волгограде. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького и сценарный факультет ВГИКа. Публиковалась со стихами, малой прозой и монографиями. Принимала участие в различных издательских проектах. В 2019 году стала дипломантом 39-го Международного фестиваля ВГИК в номинации «Сценарий полнометражного игрового фильма» с пометкой «За яркое воплощение чело- века на войне». Публиковалась в российских и зарубежных изданиях — «Артикуляция», «Фабрика литературы», «Вторник», «Литоскоп», «Литература», «Берлин. Берега» (Германия), «Волга», «ДК», «Зинзивер» и другие. В 2021 году вошла в лонг-лист премий «Русский Гофман» и «Антоновка». Выпустила две книги (проза) — «Голодный остров» и «Дети Гамельна». Член Союза писателей XXI века. Живет в Германии.

Дмитрий Дарин — поэт, прозаик, публицист, член СП России, член Авторского совета РАО, действительный член ПАНИ, РВАО, д. э. н.

Джа Роуз Джафта — южно-африканская поэтесса, перформер, переводчик, редактор, автор детских книг, пишет на английском и языке сесото. Ее стихи переводились на ряд языков в Африке, Азии и Европе. Лауреат Евразийского фестиваля в Египте (2023).

Екатерина Журавлёва — студентка переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета.

Андрей Ивонин — поэт. Родился в 1959 году в Москве. Всю жизнь работает в театральной сфере, в настоящее время — в московском театре «Эрмитаж» заведующим художественно-постановочной частью. Член Союза Театральных Деятелей РФ. Почетный работник культуры г. Москвы. Член Союза писателей XXI века с 2021 года. Стихи пишет с юности. В 1984 году занимался в литературной студии под руководством писательницы, прозаика, поэта и переводчика Ольги Ивановны Татариновой. Является членом секции поэзии Московского союза литераторов. Публикации в литературных журналах и альманахах. Лауреат Большой Международной Литературной Премии «Серебряный стрелец» (2011 г.), национальной литературной премии «Поэт года» (2016 г.), 7-й Международной поэтической премии «Образ» (2019 г.). Автор сборников стихо-творений: «Слово» — 2008 г., «Начало» — 2015 г., «Повторенье пройденного» — 2018 г., «Говори со мной» — 2019 г., «Только стихи» — 2021 г.

Вера Киулина — литературный критик, эссеист, филолог. Работает в издательстве «Вест-Консалтинг». Автор многочисленных публикаций.

Евгений Степанов — поэт, прозаик, публицист, издатель. Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатается с 1981 года. Публиковался в центральной периодике. Автор нескольких книг стихов, вышедших в России, США, Болгарии, Румынии, Венгрии, а также книг прозы и научных монографий. Издатель-главный редактор журналов «Зарубежные записки», «Дети Ра», «Зинзивер», «Футурум АРТ» и портала «Читальный зал». Руководитель издательства «Вест-Консалтинг» и Союза писателей XXI века. Лауреат премии имени А. Дельвига «Литературной газеты», премий журналов «Нева» и «Сура». Живет в поселке Быково (Московская область).

Андрей Торопов — поэт. Родился в 1978 году в городе Каменске-Уральском Свердловской области. Окончил исторический факультет, аспирантуру Уральского госуниверситета, кандидат исторических наук, доцент, автор научных трудов по истории уральской промышленности.

Стихи публиковались в журналах «Урал», «Дети Ра», «Зинзивер», «Новая реальность», «Воздух», «Белый ворон», «Байкал», «Артикль», «Крещатик», «Волга», «Новая юность», «Зарубежные записки», «Стороны света», «Вещь», «Сроке», «Пироскаф»; в «Литературной газете», газете «Поэтоград» и др. Автор четырех поэтических книг.

Живет в Екатеринбурге. Работает преподавателем в вузах.

Эдуард Хвиловский — поэт. Родился в 1946 году в Одессе. Окончил филологический факультет Одесского университета. Двадцать пять лет работал учителем в средней школе. Публикации — в журналах «День и ночь», «Новая Юность», «Новый журнал», «Зарубежные записки», «Prosodia», «Текстура». Автор трех поэтических сборников, последний из которых — «Избранные стихотворения» (Wordclay Publishers, 2017). Живет в Нью-Йорке.

Павел Щербаков — поэт, литератор, критик. Родился в 1999 году в Калининградской области. Окончил факультет управления экономики и права РАН-ХиГС. Студент второго курса Литературного института имени А. М. Горького. Писал статьи для университетского журнала, в настоящее время пишет стихи, произведения для детей, занимается стихотворными переводами. Печатался в сборнике поэзии и прозы литераторов Калининградской области «Голоса города», в альманахе «Литерра Балтика», журнале «Дети Ра», газете «Литературные известия». Лауреат международного литературного конкурса «ЛиТерра Балтика».

Алексей Юрьев — поэт, прозаик, эссеист, искусствовед. Родился в 1935 году в Москве. Учился в Московском инженерно-строительном институте имени Куйбышева. Кандидат технических наук. Лауреат премии имени Леонардо. Член Союза писателей XXI века. Автор многих книг и публикаций.

Тираж 500 экз.

Отпечатано

в ООО «Вест-Консалтинг»,

115230, г. Москва,

Хлебозаводский проезд, д.7, стр.9, эт.7, пом. XIV, ком.12